

Вокруг Света

№5

Цена 20 коп.

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

Вокруг Света

№ 5

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:
Лер. Фонтанна, 57.
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.
Тлф. 175-38.

1927 г.
АПРЕЛЬ
15

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: В. Ман. „Старые и новые“. (Ружейная Дука). — Я. Конан-Дайль. „Приключение в усадьбе Шоском“. — Лесник. „Лосил“. — Ю. Баратов. „В лесах Бразилии“. — ** „О муравьях“. — К. Хирпичников. „Мой полет на воздушном шаре“. — Мак. „Путешествие в страну будущего“.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В УСАДЬБЕ ШОСКОМ

Рассказ А. КОНАН-ДОЙЛЯ.

Шерлок Холмс долго сидел, склонившись над микроскопом, и когда он, наконец, выпрямился, я прочел в его глазах ликование.

— Это — клей, Ватсон! — сказал он. — Не может быть никакого сомнения, это клей. Только взгляните на эти точки, разбросанные в поле зрения микроскопа.

Я наклонился и взгляделся в объектив.

— Вот эти волоски — не что иное, как нити от пиджака. Вот эта бесформенная серая масса — пыль. Налево вы видите крохотные чешуйки с кожи человеческого тела. А эти коричневые пузырьки в середине, без всякого сомнения, клей.

— Но что же из этого? — сказал я и расхохотался. — Я готов поверить вам на слово, но не понимаю, к чему все это ведет.

— Как бы то ни было, это весьма и весьма поучительно! — ответил Холмс. — С тех пор, как я изблещил того фальшивомонетчика, если помните, благодаря опилкам цинка и меди, обнаруженным в шве его рукава, Скотланд Ярд¹⁾ стал понимать, наконец, как велико значение микроскопа. Сегодня должен был быть у меня новый клиент, — добавил он, нетерпеливо поглядывая на часы, — но он опоздал. Кстати, скажите, Ватсон, вы в бегах что-нибудь понимаете?

— Еще бы мне не понимать! Бега стоят мне половину пенсии, которую я получаю за свои раны.

— В таком случае, вы будете моим учителем в этой области. А скажите, такое имя, как Роберт Норбертон, что-нибудь говорит вашему уму или сердцу?

— Ну, конечно! — отозвался я. — Он живет в усадьбе Шоском. Я превосходно знаю это место, так как прожил как-то целое лето неподалеку оттуда. Норбертон, кстати, чуть было не очутился однажды в сфере вашей деятельности.

— Каким же это образом? — спросил Холмс, пристально взглянув на меня.

— Это было тогда, когда он так отделал хлыстом знаменитого ростовщика Сэма Брюэра, что чуть не отправил его на тот свет.

— Вот как! Это звучит очень интересно. Часто Норбертон такими делами занимается?

— Этого я не могу вам сказать, но, во всяком случае, у него репутация весьма опасного человека. Между прочим, он один из самых отважных и бесстрашных наездников Англии. Он также играет на тотализаторе, занимается боксом, атлетикой, большой любитель красивых женщин и, судя по тому, что о нем говорят, он так запутался в долгах, что едва ли ему когда-нибудь вывернуться.

— Замечательное, Ватсон! Краткое, но исчерпывающее описание. Сдается мне, что я знаю этого человека. Не будете ли вы любезны сказать мне что-нибудь про эту самую усадьбу Шоском.

— Я знаю только, что она расположена в середине парка того же названия, и что там находится также знаменитое поле для тренировки беговых лошадей.

— И главного тренеровщика зовут Джон Мейсон? — закончил за меня Холмс. — Напрасно вы так изумляетесь моим сведениям, Ватсон, потому что письмо, которое вы видите у меня в руках, я получил именно от этого человека. Давайте вернемся опять к усадьбе Шоском. Кажется, мы набрали на весьма богатую жилу.

— Я слышал также о знаменитых болонках, которые разводятся в Шоскоме, — продолжал я. — Про них упоминается на каждой собачьей выставке. Это одна из самых лучших пород в Англии, и хозяйка Шоскома чрезвычайно гордится этим.

— Я полагаю, что вы говорите о жене сэра Норбертона?

— Сэр Норбертон никогда не был женат. Он живет у своей сестры — вдовы, лэди Беатрис Фолдер.

— Вы хотите сказать, что она живет у него? — поправил меня Холмс.

— Нет, нет! Усадьба принадлежала ее покойному мужу, Джемсу Фолдеру, и Норбертон не имеет на нее никаких прав. Вдова пользуется доходом с усадьбы лишь пожизненно, а после ее смерти все имущество переходит к брату ее покойного мужа.

— И надо полагать, что ее братец тратит все доходы на себя?

— Приблизительно так оно и есть. Он — сущее исчадие ада, но, тем не менее, мне передавали, что его сестра чрезвычайно предана ему. Однако, я все еще не знаю, почему вас так интересует усадьба Шоском. Что-нибудь неладное там?

— Вот это я и хочу сам выяснить. И мне кажется, что сюда направляется человек, который может нас просветить по этому делу.

Дверь открылась, и слуга пропустил в комнату высокого, чисто выбритого джентльмена. При одном взгляде на его лицо можно было сразу сказать, что этот человек имеет дело либо с тренировкой лошадей, либо с воспитанием мальчиков. Он поклонился с сознанием своего достоинства и опустился на стул, на который указал ему Холмс.

— Вы получили мое письмо, мистер Холмс?

— Да. Но оно мне ничего не говорит.

Вот эти волоски, нити от пиджака.

— Видите ли, дело слишком щекотливое, чтобы излагать все детали на бумаге. И к тому же, слишком сложное. Во-первых, мистер Холмс, я полагаю, что мой хозяин, сэр Норбертон, с ума сошел. Когда человек совершает один странный поступок или даже два, это можно еще простить. Но когда все его поведение становится странным, тогда поневоле начинаешь задумываться. Я так думаю, что он свихнулся в связи с предстоящим дерби¹⁾ и «Принцем».

— Я предполагаю, что вы говорите об одной из ваших лошадей, не так ли?

— Совершенно верно, мистер Холмс и, добавлю, об одной из лучших в Англии. Поверьте, я знаю толк в таких вещах. Позвольте мне быть откровенным с вами. Я знаю, что вы джентльмен и человек своего слова и то, что я скажу вам, не выйдет за пределы этой комнаты. Сэр Норбертон должен выиграть это дерби. Он по уши в долгу, и это — его последняя ставка. Он поставил на эту лошадь все, что мог собрать или занять.

— Но чем это объяснить? Неужели лошадь так хороша?

— Публика и не догадывается, до чего эта лошадь хороша. Сэр Норбертон достаточно умен, чтобы до поры

¹⁾ Уголовный розыск Лондона.

¹⁾ Общанглийские рысистые бега, на которых выдаются крупные призы.

до времени не открывать своих карт. На тренировках вы можете видеть только полукровного брата «Принца». Этим двух коней не отличить друг от друга, но к финишу «Принц» всегда приходит на две головы раньше. И сэр Норбертон ни о чем другом, кроме этой лошади, не думает. До дерби ему еще удастся как-нибудь удержать осаждающих его ростовщиков, но если «Принц» не оправдает себя, сэру Норбертону крышка!

— Однако, довольно отчаянная игра! — заметил Холмс. — Но все-таки, я еще не вижу, из чего вы выводите заключение, что он с ума сошел?

— Видите ли, достаточно уже взглянуть на него. Мое мнение таково, что он не спит по ночам. Вы можете заставить его в конюшне во всякое время дня и ночи. Глаза у него стали какие-то одичалые. Очевидно, его нервы не выдержали напряжения. А потом, надо еще принять во внимание его поведение по отношению к лэди Беатрис.

— В чем же дело?

Да как пустится бежать — только его и видали!

— А в том, что они раньше всегда были лучшими друзьями. У них были одни и те же вкусы, и сестра так же любит лошадей, как и ее брат. Каждый день она в точно назначенное время отправлялась навестить лошадок и больше всего она любила «Принца». Последний только, бывало, слышит скрип ее экипажа по песку, и тотчас же начнет прятать уши, а потом пустится галопом ей навстречу, чтобы получить свою порцию сахара. Но теперь всему этому наступил конец.

— Почему?

— Очевидно, лэди Беатрис вдруг потеряла всякий интерес к лошадям. Вот уже целую неделю, как она проезжает мимо конюшен и даже «доброе утро» не скажет.

— Вы предполагаете, что между братом и сестрой произошла ссора?

— И ссора, надо полагать, бешеная, мистер Холмс! В противном случае, почему бы он стал дарить ее любимую болонку, которой она дорожила так, словно это был ее родное дитя. А сэр Норбертон несколько дней тому назад подарил собачку старому Барнесу, владельцу харчевни «Зеленый Дракон», что в трех милях от Грендала.

— Это действительно странно! — согласился Холмс.

— У старой лэди слабое сердце, да еще водянка, и сэр Норбертон каждый вечер проводил часа два с нею. Ничего удивительного в этом. Он имел все основания быть внимательным к ней, так как она была ему всегда на редкость хорошим другом. А теперь он никогда и не подходит к ней, а ей это, конечно, больно. Она стала такая хмурая, всегда задумчивая и что хуже всего, она начала пить, мистер Холмс. Как рыба пьет!

— А раньше случалось, что она пила?

— Как вам сказать, — иногда она брала стаканчик. Но теперь, как мне рассказывал Стивенс, ее слуга, она иногда целую бутылку за один вечер выпивает. Нет, мистер Холмс, все у нас пошло шиворот на выворот, и что-то такое тут неладное. А потом, позвольте вас спросить: что делает сэр Норбертон по ночам в склепе, который находится под старой часовней? И что это за человек, с которым он там встречается?

Холмс довольно потер руки.

— Продолжайте, мистер Мейсон. Ваш рассказ с каждой минутой становится интереснее.

— Мне рассказывал об этом его слуга, который все видел собственными глазами. Это было в двенадцать часов ночи и, между прочим, дождь лил, как из ведра. А на следующую ночь я долго не ложился спать, и опять хозяин куда-то вышел. Мы со Стивенсом пошли за ним, но, конечно, украдкой, так как плохо пришлось бы нам, попадись мы ему на глаза. Сэр Норбертон не такой человек, чтобы кого-нибудь уважать, а когда он еще разоидется, то дает полную волю своим кулакам. Итак, как я уже говорил, мы старались не подходить слишком близко. Но тем не менее мы заметили, что он спустился в склеп, в котором, как рассказывают, водятся духи, и там его дождался какой-то человек.

— А что представляет собою этот склеп, в котором водятся духи? — поинтересовался Холмс.

— Видите ли, сэр, в середине парка стоит старая разрушенная часовня. Такая старая, что никому не установить, когда она была построена. И вот под ней находится склеп, который пользуется дурной славой среди нас. И вот, позвольте вас спросить, что мой хозяин делает там по ночам?

— Обождите! Вы говорите, что там он встречается с другим человеком. Но, может быть, это один из ваших же грумов или кто-нибудь из слуг? Ведь вам, казалось бы, стоило только проследить этого человека и порасспросить его.

— Нет, мистер Холмс, я никогда до этого его не видел. — Как вы можете быть уверены в этом?

— Потому что я видел его после этого, мистер Холмс! Это случилось во вторую ночь, когда мы со Стивенсом решили проследить хозяина. Сэр Норбертон прошел мимо нас (мы лежали в кустах и дрожали, как два зайца, так как луна светила довольно ярко), но когда мы услышали, что сзади идет тот, другого, которого нам нечего было бояться, мы дали хозяину пройти, а потом выпрямились и, как ни в чем не бывало, пошли за незнакомцем. Самым невинным тоном я обращаюсь к нему: «Здорово, дружище! Кто вы такой и откуда бредете?» Надо полагать, что он не расслышал наших шагов. Когда он посмотрел на нас, то поверьте мне, рожка у него была словно у дьявола, только что выскочившего из преисподней! И как завизжит, да как пустится бежать — только его и видали! Так он и скрылся во мраке, и мы не узнали, кто он такой и откуда он взялся.

— Но вы ясно видели его при свете луны?

— Совершенно ясно, мистер Холмс. Я мог бы поклясться в этом прямо ему в лицо, прямо в его омерзительную псину харю, я бы сказал. И что могло быть у него общего с сэром Норбертоном?

Холмс долгое время сидел, погруженный в глубокое раздумье.

— У лэди Беатрис Фолдер есть компаньонка? — спросил он, наконец.

— У нее есть только горничная, Кэрри Иванс. Она уже пять лет служит у нас.

— И она, несомненно, предана своей хозяйке?

Мистер Мейсон слегка замаялся.

— Предана-то она предана, но только я не скажу — кому.

— А! — многозначительно произнес Холмс.

— Я не могу сор из избы выносить, — добавил мистер Мейсон.

— Мне все понятно! — успокоил его Холмс. — Судя по описаниям доктора Ватсона, ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности в присутствии сэра Норбертона. Уже не думаете ли вы, что эта горничная явилась причиной ссоры между братом и сестрой?

— Право, не могу сказать, мистер Холмс, но эта скандальная история уже давно у всех на языках.

— Но возможно, что лэди Беатрис не замечала этой связи раньше. Предположим, что она совершенно неожиданно обнаружила это. И вот она принимает решение сейчас же избавиться от своей горничной, а ее брат не позволяет этого. Лэди Беатрис, как человек со слабым сердцем, не будучи в состоянии свободно передвигаться, не имеет возможности добиться своего. Ненавистная горничная все еще находится при ней. Лэди Беатрис ни с кем не разговаривает, все время проводит у себя и, наконец, начинает пить. Сэр Норбертон, разгневавшись на нее, забирает у нее ее любимую болонку. Как вам кажется, вляется все это вместе?

— Да, пожалуй! — не совсем уверенным тоном согласился мистер Мейсон. — «Постольку-поскольку», — добавил он.

— Вы правы. Постольку-поскольку. Все это хорошо, но только при чем тут эти ночные визиты в склеп? Вот чего я никак не могу понять.

— Вот именно, сэр, вот именно! И потом есть еще кое-что, чего я никак не пойму: зачем сэру Норбертону понадобилось откапывать покойника?

Холмс выпрямился на стуле, едва услышал последние слова.

— Да, да! — продолжал тот. — Мы только вчера обнаружили это, и я сейчас же написал вам. Вчера, когда сэр Норбертон поехал в Лондон, мы со Стивенсом отправились в склеп. Там все было в порядке, сэр, если не считать того, что в одном углу лежала часть человеческого тела.

— Я полагаю, что вы немедленно известили полицию? Наш гость улыбнулся бескровной усмешкой.

— Видите ли, сэр, едва ли это могло бы интересовать полицию. Наша находка заключалась всего лишь в человеческом черепе и в нескольких костях, которым, возможно, уже сотни лет. Но я знаю, что их не было на том месте раньше. Мы со Стивенсом оба готовы поклясться в этом. Эти кости были положены в дальний угол и прикрыты несколькими дощечками, но раньше в этом углу ничего не было.

— Что же вы сделали с этими костями?

— Ничего. Мы оставили их там, где нашли.

— Очень благодарно за вашей стороны! Вы говорите, сэр Норбертон вчера уехал, — он уже вернулся?

— Нет, мы ждем его сегодня.

— А когда ваш хозяин отдал любимую болонку своей сестры?

— Ровно неделю тому назад, сэр! Бедное животное целый день выло на дворе, и сэр Норбертон поймал его, и я уже подумал, что он задушит несчастную собачонку, но он отдал ее одному из наших жокеев и велел отнести старому Гарнесу, владельцу «Зеленого Дракона».

Холмс некоторое время сидел в глубоком раздумьи и сосал трубку.

— Мне все-таки непонятно, мистер Мейсон, — сказал он, наконец, — чем я вам могу быть полезен? Не можете ли вы более определенно изложить ваше дело?

— Возможно, что это покажет вам, что я хочу от вас, мистер Холмс! — сказал наш гость и, достав из кармана какой-то пакетик, развернул его и показал обугленный кусочек кости.

— Где вы это взяли? — спросил Холмс, с интересом изучая необычайную находку.

— Видите ли, сэр, усадьба Шоском имеет центральное отопление и топка находится как раз под комнатами лэди Беатрис. Мы уже некоторое время не топим, но на днях сэр Норбертон стал жаловаться на холод, и тогда один из моих ребят, по имени Гарвей, снова развел огонь. А сегодня утром он явился ко мне и показал мне, что он нашел, когда прочищал зольник. Уж больно эта штука ему не понравилась.

— Не могу сказать, чтобы это и мне нравилось, — сказал Холмс. — Что вы на это скажете, Ватсон?

Несмотря на то, что косточка была совершенно обуглена, не могло быть никакого сомнения относительно ее происхождения.

— Это верхняя частица бедренной кости! — тотчас же определил я.

— Совершенно верно! — согласился Холмс, и лицо его слегка нахмурилось. — А когда ваш Гарвей прочищал топку?

— Он каждый вечер прочищает ее, засыпает в нее угля и оставляет до утра.

— Значит ночью кто угодно может пройти туда?

— Совершенно верно.

— А как туда можно войти. Изнутри?

— Есть дверь снаружи и есть дверца со стороны лестницы, которая ведет в комнаты лэди Беатрис.

— Гм! — пробормотал Холмс. — Темное дело, мистер Мейсон. Темное и весьма подозрительное. Вы говорите, что вчера ночью вашего хозяина не было дома?

— Не было, сэр.

— В таком случае, кто же сжигал эти кости, если не он?

— Вот этого я не могу сказать, сэр.

— А как называется харчевня, о которой вы говорите?

— «Зеленый Дракон».

— А рыба в ваших местах водится хорошая?

Тренировщик беговых лошадей посмотрел на Холмса с таким видом, словно он хотел сказать, что судьба послала еще одного безумца на его пути.

— Говорят, сэр, что в реке нашей водится много плотвы, а в озере — изрядные караси.

— Этого вполне достаточно для нас. Мы с Ватсоном такие заядлые рыболовы, не правда ли, Ватсон? Отныне наш адрес — «Зеленый Дракон». Мы сегодня же вечером будем там. И едва ли я должен говорить вам, мистер Мейсон, что мы временно не хотим вас видеть. Но если вам нужно будет, вы можете написать, и точно также я найду вас, если буду нуждаться в вас. Когда мы немного разберемся в этом деле, я сам поделюсь с вами добытыми сведениями.

Вот как случилось, что однажды вечером, в начале мая, мы очутились в старинной харчевне близ Шоскома, где гостеприимный хозяин, старый Джосна Барнес, с большим сочувствием и интересом отнесся к нашему плану — истребить всю местную рыбу.

— А как насчет озера близ усадьбы? — спросил Холмс, как бы между прочим, во время разговора. — Там наверное жирные караси водятся?

Лицо старого Барнеса затуманилось.

— Нет, сэр из этого ничего не выйдет. Вы можете сами очутиться в озере, раньше чем поймаете хоть одну рыбу.

— Почему же это? — удивился Холмс.

— А потому, что озеро принадлежит сэру Норбертону, а он человек тяжелый. Тем более, что вы оба люди для него чужие, а если он заметит вас близ своего бегового поля, то вам не сдобровать. Сэр Норбертон не такой человек, чтобы рисковать своими лошадьми.

— Что-то мы слышали, будто одна из его лошадей участвует на предстоящем дерби?

— Совершенно верно, сэр! И превосходный жеребец к тому же. На него поставлено все, что только сэр Норбертон мог собрать. Кстати, — добавил он, задумчиво глядя на нас, — вы сами-то не интересуетесь ли бегами?

— Нет, нет, уверяю вас! Мы всего лишь два лондонца, чрезвычайно утомленные, и очень нуждаемся в чудесном Беркшайрском воздухе.

— В таком случае, вы лучше места не могли выбрать! Этого добра здесь сколько угодно! Но запомните то, что я вам говорил про сэра Норбертона. Это человек, который сперва ударит, а потом уже будет рассуждать. Держитесь подальше от усадьбы.

— Конечно, мистер Барнес, конечно! Мы воспользуемся вашим советом. Между прочим, я заметил у вас во дворе прелестную болонку.

— Ну, еще бы! Это самая чистокровная порода. Лучших болонок во всей Англии не найти!

— Видите ли, я потому спрашиваю, что я большой любитель собак и хотел бы задать вам вопрос: сколько может стоить такая собачка?

— Могу вам только сказать, сэр, что значительно больше, чем я мог бы заплатить за нее. Эту собачку подарил мне сам сэр Норбертон. Потому-то я и держу ее на привязи, не то она моментально удрала бы назад в усадьбу.

— Мы уже имеем кой-какие козыри в руках, Ватсон! — сказал Холмс, когда владелец харчевни оставил нас. — Но игра такая, что не знаешь, с какой карты ходить. Тем не менее, я надеюсь, что денюга через два мы кое-к чему придем. А раз сэр Норбертон все еще в Лондоне, то мы могли бы воспользоваться случаем и войти ночью в священную обитель сего достойного джентльмена, не опасаясь нападения с его стороны. Я хотел бы кое-что выяснить, раньше чем выводить окончательное заключение.

— А вы уже нарисовали себе какую-нибудь картину, Холмс? — спросил я.

— Я знаю только одно, Ватсон: приблизительно с неделю тому назад в Шоскоме случилось нечто такое,

что сильно отразилось на жизни всей усадьбы. Остается только выяснить, что именно случилось. Давайте разберемся последовательно. Брат перестает навещать свою любимую больную сестру. Он дарит кому-то ее любимую болонку. Ее болонку, Ватсон. Это ничего еще не говорит вам?

— Ничего, разве только то, что брат хотел как-нибудь конкретно выразить свою злобу.

— Допустим, что так, хотя возможен и другой вывод. Итак, в результате крупной размолвки, старая лэди не покидает своей комнаты, совершенно меняет свои привычки и ее никто больше не видит, разве только, когда она ездит кататься со своей горничной. Но она уже не останавливается у конюшен, чтобы поласкать свою любимую лошадь и, повидимому, начинает прибегать к крепким напиткам. И этим вся тайна исчерпывается.

Холмс зажег фонарь.

— За исключением этой загадочной истории со склепом, — напомнил я.

— Вы правы, но это относится уже к другой линии размышлений. Не смешивайте двух совершенно отдельных линий. Первая имеет дело с лэди Беатрис и от нее отдает чем-то жутким. Вторая имеет отношение к сэру Норбертону; все его помыслы сосредоточились на предстоящем дерби, которое он во что бы то ни стало должен выиграть. Он по уши в долгу и целиком в руках ростовщиков, которые могут в любой момент продать его беговые конюшни и все остальное. Но сэру Норбертону человек смелый и даже, я бы сказал, отчаянный. Все свои доходы он извлекает из усадьбы сестры и замечает, что горничная его сестры — послушное орудие в его руках.

— Ну, а склеп? — снова напомнил я.

— Ах, да, склеп! Предположим, Ватсон, — только предположим на одну минуту, — что сэру Норбертону постарался отделаться от своей сестры.

— Но это совершенно немислимое предложение, Холмс!

— Пожалуй, что вы правы, Ватсон. Сэр Норбертон, правда, способен на многое, но все-таки он происходит из честного рода. Тем не менее, как вам известно, можно иногда найти среди орлов также и воронов. Остановимся все-таки на моем предположении. Покончив со своей сестрой, сэру Норбертону не имеет возможности бежать из Англии, пока он не закончил свои дела, то-есть пока он не привел до конца своего плана с «Принцем», который тайком от всех, — до поры до времени, — должен участвовать в дерби. А чтобы оставаться в Шоскоме, ему необходимо как-нибудь освободиться от тела своей жертвы, а потому, опять таки нужно найти кого-нибудь, кто мог бы временно играть роль его сестры. В этом нет ничего особенно трудного, пока горничная играет роль сообщницы. Тело покойницы можно снести в склеп, куда редко кто ходит, и его можно ночью уничтожить в топке.

— Все это так, — сказал я, — если допустить только возможность вашего чудовищного предположения.

— Знаете, Ватсон, мы с вами проделаем завтра маленький опыт, чтобы пролить хоть какой-нибудь свет на это дело. А пока что, будем играть свои роли и позовем хозяина, чтобы он за стаканом собственного вина рассказал нам подробнее про местных угрей и карасей, которые, очевидно, ведут пряником к тайникам его души. Мы можем во время беседы выведать у него много интересного.

На следующее утро Холмс вдруг обнаружил, что не запаса крючками, и пришлось отложить рыбную ловлю на один день. Часов в одиннадцать мы отправились на прогулку, при чем владетель «Зеленого Дракона» разрешил нам взять с собою черную болонку.

— Вот мы уже подходим к усадьбе Шоском! — сказал Холмс, когда вдали показались высокие ворота, над которыми выселись два огромных резных грифона. — Мистер Барнес, кажется, говорил, что ровно в двенадцать старая лэди Беатрис предпринимает прогулку в экипаже. Пока открываются ворота, лошади, естественно, должны замедлить бег. И вот, слушайте, Ватсон! Когда экипаж проедет через ворота и кучер еще не успеет припустить лошадей, вы задержите его каким-нибудь вопросом. На меня не обращайтесь внимания. Я буду находиться за этими кустами.

Нам не пришлось долго дожидаться. Приблизительно четверть часа спустя, мы увидели, как из парка выехал старинный экипаж, запряженный двумя превосходными рысаками, и направился к воротам. Холмс прыгнул к земле позади кустов, держа болонку на привязи. Я стоял на дороге в нескольких шагах от ворот, делая вид, что любуюсь местностью.

Привратник выбежал из будки и кинулся открывать ворота. Лошади медленной рысью проехали мимо меня, и я успел хорошо разглядеть сидевших в экипаже. Слева сидела довольно молодая еще женщина, страшно наруганная, с волосами цвета спелой пшеницы и с бестыжими глазами. Справа от нее сидело какое-то дряхлое существо, закутанное теплыми платками и с густой вуалью на лице. Когда лошади подъехали к тому месту, где я находился, я поднял руку повелительным жестом, и кучер задержал коней. Тогда я спросил его, дома-ли сэру Норбертону. В ту же минуту Холмс вышел из за кустов и спустил болонку с привязи. Издав радостный визг, собачка кинулась к экипажу и вскочила на подножку. Но в следующее мгновение ее радостный визг сменился яростным лаем, и она стала рвать черную юбку женщины, сидевшей справа.

— Поезжай живей! — услышали мы вдруг хриплый голос. Кучер хлестнул коней вожжами, а мы с Холмсом остались одни на дороге.

— Дело сделано, Ватсон! — сказал Холмс, надевая привязь на болонку, которая все еще не могла успокоиться. — Бедная собачка думала, что имеет дело со своей хозяйкой, но вдруг обнаружила, что перед нею совсем чужой человек. Вы должны знать, Ватсон, что собаки никогда не ошибаются.

— А вы обратили внимание, что этот голос принадлежал мужчине? — воскликнул я.

— Совершенно верно, Ватсон. У нас прибавился еще один козырь, но тем не менее мы должны играть здесь осторожно.

После ужина я заметил, что Холмс готовится в путь. Вскоре мы снова очутились на той же дороге, что и утром, а когда подошли к воротам усадьбы, там уже дождался нас мистер Мейсон, главный тренировщик лошадей.

— Добрый вечер, джентльмены! — приветствовал он нас. — Я получил ваше письмо, мистер Холмс. Сэр Норбертон еще не вернулся, но я слышал, что он сегодня вечером будет обратно.

— Далеко отсюда до склепа? — спросил Холмс.

— Приблизительно с четверть мили.

— В таком случае, мы можем временно забыть про мистера Норбертона, не так ли?

— Нет, мистер Холмс, я не могу себе этого позволить. Как только хозяин вернется, он пожелает увидеть меня, чтобы узнать последние новости относительно «Принца».

— Ах, так! В таком случае, мистер Мейсон, вы только проведите нас к склепу, а потом можете идти назад.

Густой мрак уже окутал нас, когда мы миновали огромный луг и приблизились к какой-то темной массе, которая оказалась старой заброшенной часовней. Мы прошли через огромное отверстие в стене, где когда-то находилось крыльцо, и наш проводник, спотыкаясь о кирпичи и камни, провел нас в дальний угол часовни, где крутая лестница вела вниз, в склеп.

Мистер Мейсон чиркнул спичкой, и мы увидели, что находимся в совершенно темном, жутком погребу, стены которого были выложены огромными тесаными камнями, а воздух в нем отвратительный. В этом не было ничего удивительного, так как по обеим сторонам склепа стояли без числа гробы: свинцовые и каменные, чуть не до самого потолка. Холмс засветил фонарь и при тусклом желтом свете мы могли различить металлические дощечки, прибитые к каждому гробу.

— Вы говорили о каких-то костях, мистер Мейсон? — спросил Холмс.

— Вот они где! — сказал тренировщик и провел нас в дальний угол. Но вдруг он повернулся к нам и на лице его было написано несказанное изумление.

— Их уже нет, сэр! — заметил он.

— Я так и думал! — сказал Холмс и чуть слышно засмеялся. — Надо полагать, что пепел от этих костей можно и сейчас еще найти в топке усадьбы Шоском.

— Но кому же понадобилось сжигать кости, которые сотни лет пролежали в склепе? — изумился мистер Мейсон.

— Вот это мы и постаремся выяснить! — ответил ему Холмс. — Возможно, что на это уйдет много времени, и мы не станем вас задерживать. Я тем не менее надеюсь, что до рассвета нам удастся раскрыть тайну.

Лишь только Мейсон оставил нас, Холмс принялся тщательно изучать гробы и, приблизительно, час спустя он остановился на свинцовом гробу, стоявшем неподалеку от входа в склеп. Достаточно было мне взглянуть на его лицо, чтобы понять, что он набрал на что-то интересное.

Достав из кармана лупу, Холмс принялся изучать край тяжелой металлической крышки, а затем он вынул из кармана небольшое долото, засунул его в щелку между крышкой и гробом и налег на него обеими руками изо всех сил. Раздался хрустящий, неприятный звук, крышка стала подыматься, но еще раньше, чем мы могли увидеть содержимое гроба, наша работа была неожиданно прервана.

Над нашей головой послышались чьи-то быстрые шаги. Твердые, решительные шаги человека, хорошо знакомого с местом, по которому ступали его ноги, и явившегося, очевидно, с определенной целью.

Несколько минут спустя на лестнице, которая вела вниз, показался свет от фонаря, и вскоре неподалеку от нас стоял крупный сильный мужчина, с длинными усами, а глаза его с затаенным бешенством были устремлены на нас.

— Кто вы такие, чорт вас возьми, и что вы тут делаете? — загремел он.

Холмс ничего не ответил и тогда сэр Норбертон, — ибо это был он, — сделал несколько шагов вперед и приподнял палку с тяжелым набалдашником, которая была у него в руках.

— Вы слышите, что я говорю? — снова крикнул он. — Кто вы такие? Что вы тут делаете?

Его слова, очевидно, произвели ничтожное впечатление на Холмса, он не только не испугался палки, которой тот потрясал в воздухе, но даже двинулся ему навстречу.

— Разрешите мне, сэр Норбертон, задать вам один вопрос! — суровым тоном. — Что это такое? И коим образом это оказалось здесь.

Сэтими словами Холмс быстро сорвал крышку с гроба. При свете двух фонарей, я увидел человеческое тело, обмотанное саваном с ног до головы, и только страшное лицо, на котором резко выступали острый подбородок и заостренный нос, было открыто.

Сэр Норбертон не смог сдержать возгласа удивления и, шатаясь, сделал шаг назад и оперся одной рукой о каменный гроб, находившийся поблизости.

— Как вы узнали об этом? — воскликнул он, но почти тотчас же пришел в себя и слегка угрожающим тоном добавил: — И какое вам дело до этого?

— Меня зовут Шерлок Холмс! — ответил ему мой спутник. — Это имя, возможно, знакомо вам. Но как бы то ни было, я считаю своим долгом спросить вас, что все это означает?

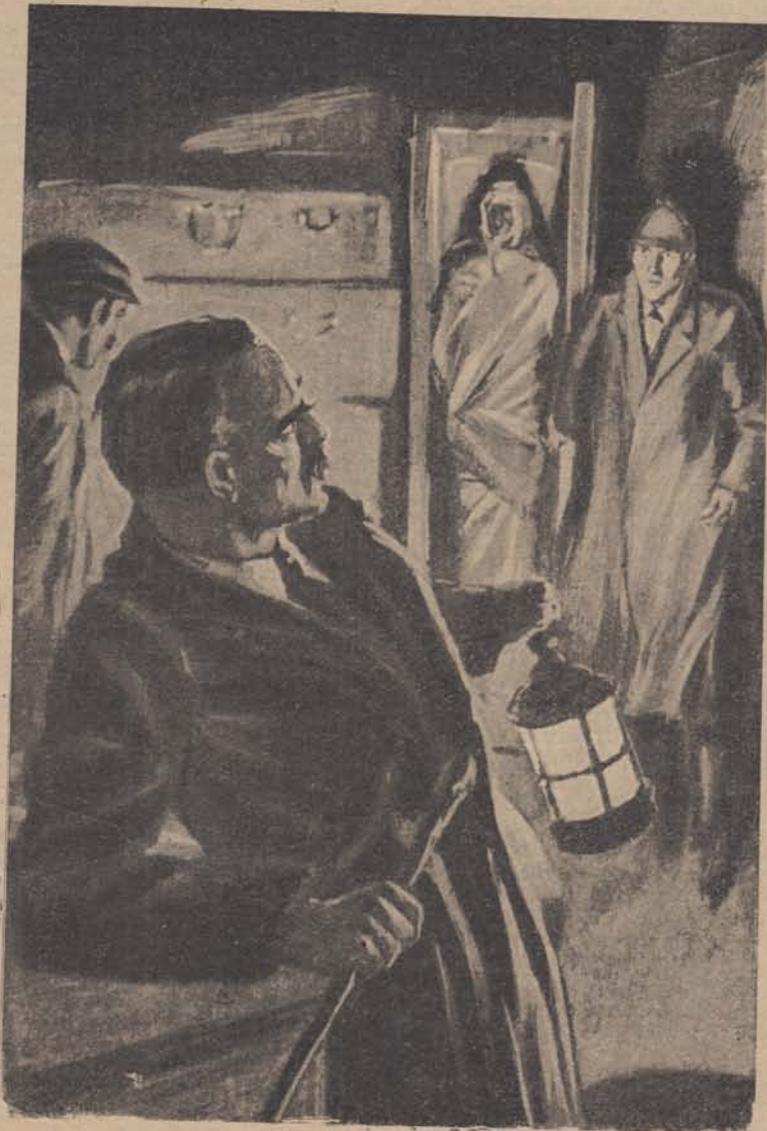
Безудержное бешенство выразилось было на лице Норбертона, но спокойный голос Холмса и его уверенные манеры возымели свое действие.

— Уверяю вас, что ничего тут такого нет, мистер Холмс! — ответил он. — Я признаю, что обстоятельства говорят против меня, но я не мог поступить иначе.

— Очень рад слышать это, тем не менее, я полагаю, что полиции будет небезынтересно услышать ваше объяснение.

Сэр Норбертон только пожал плечами.

— Ну что ж, если это необходимо, ничего не поделаешь. Но пока что, прошу вас пройти со мной в дом и судите сами, правильно ли я поступил.

Разрешите мне, задать вам один вопрос!

Четверть часа спустя мы сидели в комнате, в которой сэр Норбертон хранил свое оружие. Оставив нас на несколько минут, он вернулся и привел с собою еще двух человек. Во-первых, ту молодую нарумяненную женщину, которую мы видели утром в экипаже, и вместе с нею какого-то мужчину невысокого роста с лицом, как у хоряка, который произвел на нас весьма неприятное впечатление.

И женщина, и мужчина, оба обнаруживали непритворный страх. Видно было, что сэр Норбертон не успел еще предупредить их или объяснить им, что дело приняло плохой оборот.

— Вот это, — начал он, — мистер и миссис Норлет. Миссис Норлет, девичья фамилия которой Иванс, в течение нескольких лет состояла горничной при моей сестре. А это — ее муж. Я привел их сюда, так как полагаю, что лучше всего открыть вам всю правду, а они подтвердят вам все, что я скажу.

— Неужели это необходимо, сэр Норбертон? — воскликнула женщина. — Вы подумали, что вы делаете?

— Что касается меня, то я слагаю с себя всякую ответственность! — заявил ее достойный супруг.

Сэр Норбертон кинул ему презрительный взгляд.

— Я готов взять всю ответственность на себя — сказал он. — А теперь, мистер Холмс, не откажите выслушать следующее.

— Вы сумели довольно далеко заглянуть в мои личные дела, в противном случае, надо полагать, я не нашел бы вас сегодня в склепе. По всей вероятности, вы также знаете, что на предстоящем дерби участвует один из моих жеребцов и от него зависит вся моя жизнь. Если я выиграю, я спасен. Если я проиграю... Я даже не осмеливаюсь задуматься, что тогда со мной будет.

— Я вас понимаю, — продолжал Холмс. — Продолжайте.

— Я во всем зависел от моей сестры, лэди Беатрис. Всем известно, что она владеет усадьбой Шоском лишь пожизненно. Что же касается меня, то я целиком в руках ростовщиков. Я нисколько не сомневаюсь и никогда не сомневался, что случись моей сестре умереть, мои кредиторы нагрянут на меня, как стая коршунов. Они захватят все, что у меня есть и, конечно, первым делом беговые конюшни. И вот, мистер Холмс, ровно неделю тому назад моя сестра, действительно, умерла.

— И вы никому не говорили?

— Что же мне было делать? Поймите, что мне грозило полное разорение. А между тем, если бы только оттянуть еще недельки на две, то я мог быть спасен. Муж миссис Норлет актер, и мне пришло в голову, что он мог бы взять на себя на некоторое время роль лэди Беатрис. Только и нужно было ежедневно выезжать в экипаже, чтобы показаться слугам, а в комнаты моей покойной сестры никто, кроме горничной, не входил. Лэди Беатрис умерла от водянки, которой она давно уже страдала.

— Это уже врачи установят! — заметил мистер Холмс.

— Врач, пользовавшийся мою сестру, мог бы вам сказать, что покойница в течение последних месяцев чувствовала себя прескверно, и надо было ожидать близкого конца.

— Что же вы сделали, сэр Норбертон?

— Раньше всего надо было подумать о теле покойницы. Нельзя же было оставлять его здесь. Вместе с Норлетом мы сперва вынесли тело в сарай, которым никто теперь не пользуется, но болонка лэди Беатрис не отставала от нас ни на шаг и все время лаяла и завывала. Тогда я подумал, что нужно убрать тело в более надежное место. Я велел отнести болонку в харчевню, а тело мы спрятали в склепе. В этом не было фактически ничего оскорбительного для памяти моей покойной сестры, и я не думаю, мистер Холмс, чтобы я совершил этим самым какое-либо преступление.

— Тем не менее, ваше поведение едва ли заслуживает похвалы, сэр Норбертон! — укоризненным тоном заметил Холмс.

— Легко вам говорить! — ответил Норбертон, скорбно качая головой. — Будь вы в моей шкуре, вы, пожалуй, сказали бы совсем иное. Вообразите себя на месте человека, который видит, что все его планы разлетаются прахом и вы поймете тогда, почему я сделал все, что было в моих силах, чтобы спасти себя. К тому же, нет ничего, повторяю, оскорбительного для памяти моей покойной сестры в том, что ее тело лежит в одном из гробов, в котором раньше покоился прах одного из предков ее мужа.

— Я с помощью Норлета открыл гроб, вынул отсюда кости и положил туда тело покойницы. Кости мы временно оставили в углу склепа, а потом я и Норлет поочередно стали ходить туда и понемногу сжигать их. Вот и вся моя повесть, мистер Холмс.

В течение некоторого времени Холмс сидел, глубоко задумавшись и не произнося ни слова.

— В вашем рассказе, сэр Норбертон, все же мне кое-что непонятно, — сказал он, наконец. — Вша игра на бегах, на которой зиждутся все ваши надежды, едва ли могла бы пострадать от смерти вашей сестры.

— Но вы забываете, что «Принц» тоже входит в имущество лэди Беатрис! Какое дело моим кредиторам до моей игры на бегах? Мой главный кредитор — мой заклятый враг, ростовщик Брюэр, которого я однажды хорошенько отделал хлыстом. Неужели вы думаете, что он сделал бы малейшую попытку спасти мое состояние?

— Как бы то ни было, — сказал Холмс, вставая, — это дело следует довести до сведения полиции. Что касается вашего поведения, то пусть коронный судья разбирается в этом. Мой долг был — пролить свет на темное дело. А теперь уже около полуночи, Ватсон, нам пора отправляться на покой.

Известно, что этот страшный эпизод закончился для сэра Робертса благополучнее, чем он того заслуживал.

«Принц» выиграл дерби, его владелец заработал на этом деле 80 тысяч фунтов, а кредиторы отложили свои взыскания до конца бегах, когда им все было уплачено сполна.

Известно, что победителей не судят, а потому сэр Норбертон благополучно отделался и от суда.